

же дело?

Тирания требует рабов и солдат. Беспамятных рабов и бездушных солдат. В идеале — с позиций тирании — раб и солдат должны совмещаться в одном лице. Чтобы все подданные тирана оказывались на одно лицо — безликое. Тогда тирания прочна.

Президент — при всем его политическом консерватизме — был демократом. Да, буржуазным, но демократом. Он как раз различал лица, уважал их разнообразие и от собственного тоже не хотел отказываться. И этим стал опасен для тирана.

Сталин должен был посадить Пятса — во имя утверждения логики своего режима. Славившие его громогласные трубы выводили ругавды «о воле народа», о «шестии революции» и даже о «головокружении от успехов». Торжествующие трубы держали свою нескончаемую ноту и делали как бы неслышными проклятья и стоны, раздававшиеся по необъятному архипелагу ГУЛАГ. А где-то на одном из его островков хмурился эск «Президент».

Такая у него была теперь кличка.

Часть четвертая СЛЕЗНАЯ

5

Он сидел не впервые. Впервые он навлек на себя гнев еще при царе, в 1905 году, «за антиправительственную деятельность». Приговорили (заочно) к смерти. В 1910 году его посадили в недоброй славы «Кресты». Но через девять месяцев выпустили.

Теперь он был посажен вновь. Примерно с той же формулировкой. Неизвестно, к чему его приговорили, в каких тюрьмах Президент отбывал свой срок. Версии называют Казань, Свердловск, а то и Петергоф... Сколько времени он провел в заключении, тоже точно не известно: то ли шесть лет, то ли восемь... Во всяком случае, ему уже было далеко за семьдесят, когда ворота тюрьмы или лагеря за ним закрылись. И наверняка его всеильный гонитель, кремлевский затворник, уже не так теперь страшился бывшего оппонента.

...А ведь они почти ровесники, генералиссимус и Президент: Сталин всего на пять лет моложе. И эпоха им досталась одна, и работой занимались похожей, ведь оба, так сказать, были кормчими... Но какие разные судьбы! Один стал палачом, другой — жертвой. Первый остался одиноком из-за собственного палачества, второй делил муки с миллионами таких же несчастных. А все же они оба, вероятно, осознавали свою человеческую равновеликость: иначе с чего бы «великий вождь» так боялся забытого Президента? И уж так хотелось тирану уравниваться с узником, что он, должно быть, памятуя о собственном диагнозе, объявил и его сумасшедшим.

Из «зоны» Президент вышел не на свободу. Его поместили в «психушку».

Такого рода дела обдывались без излишнего шума: гласность им противопоказана. Старик, лишенный родины и свободы, теперь (на всякий случай) лишался своего имени.

Из рассказа В.Тимуска и Х.Латта:

«В Ямеялской больнице и сегодня можно обнаружить регистрационную карточку с исправленным и зачеркнутым текстом. Согласно записям, в этой больнице на излечении находился не Пятс Константин Якобович, а Пятс Аугуст Йоханнесович, 1874 г. р. Диагноз — старческое слабоумие. И дата — 1954 год.

В это время Президенту было 80 лет. В таком возрасте поставленный диагноз не должен был вызывать сомнений ни у кого. Мы установили, что Президент на самом деле страдал склерозом, однако не в ярких формах: в основном он сохранял ясность мышления и трезвую память. Удалось установить также, что 30 декабря 1954 года его увезли на машине куда-то в сторону Вильянди... В Ямеяла он прибыл без военизированного конвоя, пробыл тут около 18 дней, а потом вот его вывезли... Мы узнали еще, что начальник одного из управлений Минздрава СССР Бабаян направил телеграмму, в которой сообщал, что в больнице психонриков в Ямеяла находится Пятс Константин. Поднялся страшный шум в руководстве республики, было велено «навести должный порядок», и вот тогда-то по настоянию местных властей Пятса спроводили из республики. Сопровождал его заместитель министра здравоохранения ЭССР Побус, ныне покойный».

Упомянутый В.Тимуском и Х.Латтом «страш-

скую больницу... Хлеб «сеппик»; картошку с огорода, зимние яблоки... Для самого себя он давно ни на что не надеялся, не вспоминал ни о резиденции в Кадриоргском дворце, ни о здравницах, которые в его честь провозглашал Сталин, но он видел, что народ живет, — и радовался. Может, для того и хранила его судьба все эти длинные годы в лагере или в тюрьме, в больнице для умалишенных, чтобы он хоть теперь, на последнем своем пороге мог убедиться: и земля, и народ пребывают веками. А имя, которое у него, Президента, отняли, так ли уж многого стоит? А свобода, которой его лишили? А семья, которую погубили? Почему именно ему выпало пережить эти утраты? Он оплачет их все не сейчас, потом, попозже, когда останется один. Впрочем, один он бывает так редко... Все-таки он может поплакать в душе, поплакать обо всех, обо всех помолиться... Но вот опять за ним идут, велят собираться... Сейчас, сейчас, он быстро, он не задержит, не надо кричать... Он привык.

Часть пятая ПРИНОШЕНИЕ ДАРОВ

Следы Президента затерялись. Перед В.Тимуском и Х.Латтом стояла задача с таким количеством вопросов, что надеяться на скорое решение было бы наивно. Но это люди с обостренным чувством исторической справедливости. Во имя такой справедливости они и решили начать розыск. Нет, они вовсе не идеализируют Президента, они просто отдают ему должное — и в том, что считают его достоинствами, и в том, что считают его слабостями или промахами. Они никого не представляют, кроме самих себя, но они убеждены: их человеческий, гражданский, партийный долг в том, чтобы будить память; историческая память не должна спать.

Она и есть справедливость.

А судьба Президента вызывает к справедливости. К нам взывает.

Из рассказа В.Тимуска и Х.Латта:

«Мы искали могилу Президента на двадцати кладбищах в Литве и Латвии, в Белоруссии, в Российской Федерации. По одним данным, он был похоронен под Ригой, по другим — в районе Минска и тому подобное. Какие-то версии мы исключали чисто логически, какие-то — после розысков. Составили модель поисков. Надо было найти и опросить могильщиков, работавших в те годы, просмотреть книги записей похороненных там или тут... Искали эстонца арелонных лет, осматривали могильные плиты с надписями, начинавшимися на Па, Пя или Пэ... Иногда нас принимали за чудачков, иногда и за сумасшедших. Как-то даже подъехала машина «скорой помощи», медики поинтересовались, все ли в порядке... Мы работали не одни, да к тому же и не только эстонцы вели розыск: в нашей группе были и русские по происхождению, и белорусы...

Мы опрашивали медиков в различных больницах, но доступ к историям болезней затруднен. Долго мы думали, что Президент умер где-то в районе Острова в Псковской области, однако ничего найти не удалось...

Осенью 1988-го года разнесся слух, что каким-то туристам из Эстонии гид указал место последнего успокоения президента буржуазной Эстонии. К тому времени, напомню, мы активно занимались розысками года два с половиною, прежде-то громко высказывать хотя бы идею необходимости такого поиска было бы невозможно, а теперь она больше не несет в себе «состава преступления».

Калинин уже возникал в наших поисках, мы знали, что там старинная психоневрологическая больница. Но обращения в собес ничего не дали: а мы-то надеялись, что, поскольку в 1940—1941 годах Президент получал некую пенсию от Советского правительства, то могут быть соответствующие данные в отделах социального обеспечения... Ни наши республиканские, ни другие органы Советской власти не могли нам ничего сказать. Оставалась система здравоохранения.

Рядовые работники этой системы (мы договорились с ними, что их имена не откроем, дабы не навлечь на них гнев начальства за «нарушение норм врачебной этики») сообщали, что Президент в сопровождении Побуса, уже упоминавшегося сегодня, был направлен в Калинин или под Калинин. Они также рассказали, что оттуда пришла телеграмма об его кончине. Видимо, предполагалось, что об этом будет сообщено